

Сергей Жучков

СЕРДЦЕ РУСИ

Сборник легенд земли Владимирской
и драма «Андрей Боголюбский»
в четырех действиях

Сергей Жучков

Сердце Руси

«Издательские решения»

Жучков С.

Сердце Руси / С. Жучков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743199-0

«Сердце Руси» — это сборник легенд земли Владимирской, будет интересен различной аудитории: от любителей истории до просто любителей поэзии. Дополнительно к сборнику впервые печатается драма «Андрей Боголюбский», сюжет которой актуален и в наше время.

ISBN 978-5-44-743199-0

© Жучков С.
© Издательские решения

Содержание

Сказ о Владимире	6
Сказание о святом князе Александре Невском	10
Сказ о Дмитрие Донском	14
Сказание о ключнике Патрикее	16
Легенда об Унженском кресте	20
Легенда о селе Оцеп и церкви «Спас железный посох»	25
Сказание о Марии Долгорукой	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сердце Руси
Сборник легенд земли
Владимирской и драма «Андрей
Боголюбский» в четырех действиях
Сергей Жучков

© Сергей Жучков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказ о Владимире

Владимир – город наш былинный,
Стоит среди семи холмов,
Сверкая бликами старинных
Золотоносных куполов.

Скажи нам, в чем твоя загадка?
В чем обаяния секрет?
И, разобравшись по порядку,
Я дать попробую ответ.

Кем ты основан и построен?
Ведется долго этот спор.
И людям не дает покоя
Твое рожденье до сих пор.

Был Мономах великим князем.
Свое он имя граду дал.
Но стал Владимир старше сразу,
Когда вопрос иначе встал.

И в жизнь тебе открыл дорогу
Владимир, прозванный Святым.
А ты, окрепнув понемногу,
При Мономахе стал иным.

Врагов удерживая силой,
Пугая доблестью своей,
Ты щедрым делался и милым,
Для тех, в ком видел ты друзей.

Всегда держал открыто двери
Для всех людей из разных стран...
А может был, на самом деле,
Ты, град, владением мерян?

И было все гораздо раньше,
Чем те Владимиры пришли?
Тогда, когда на мерь напавши,
Варяги смерть свою нашли.

А может ты еще древнее?
Но, впрочем, ведь не в этом суть.
Давайте вспомним, поскорее,
До наших дней, твой славный путь.

Во времена раздоров княжьих,
Чтоб кровь славянскую не лить,
Пытался ты, и неоднократно,
Святую Русь объединить.

Дряхлел все больше древний Киев-
Престол прославленных отцов.
Кичилась спесью и гордыней
Проматерь русских городов.

Пусть Киев был еще столицей,
Но, озарив надеждой взор,
На север обращались лица,
На наш Владимирский простор.

Здесь все светлей, надежней, крепче.
Для сердца и души покой.
Здесь, развернув свободно плечи,
Идти мог пахарь за сохой.

Не опасаясь быть убитым
Под градом половецких стрел.
Так, под надежной защитой,
Окреп Владимирский удел.

Поднялся город златоглавый,
Связав торговые пути.
И вот, за силу, доблесть, славу,
Тебя столицей нарекли.

Да мог ли кто сравниться разве
По красоте (уж коль судить),
С тобой – Владимиром на Клязьме...
Здесь, только здесь столице быть!

Я – не охотник пересказов,
(В науках школьных все сильны),

Чтоб повторять однообразно
Для вас историю страны.

Но, все ж одно хочу напомнить,
Как в те, далекие года,
Вставали в приграничных поймах
Сторожевые города.

И, среди них, совсем безвестный,
Приметный для чужих едва,
Но ставший позже всем известным

Под славным именем – Москва.

А время мчится неизменно.
Владимир, больно вспоминать,
Как на твои взбиралась стены
Монголов сумрачная рать.

И лег кровавый снег на Сити,
И свет померк, и ночь пришла.
Но, все ж внимательней взгляните-
В твоей земле заря взошла.

И, глядя вдаль веков без страха,
Взрастив столицу наших дней,
Вручил ты шапку Мономаха
Любимой дочери своей.

Коль ты – отец Москвы стоглавой,
Москва – Отчизны нашей мать,
России дедушкой, по праву,
Владимир надо называть.

Устало отойдя в сторонку,
Как старый и премудрый дед,
Мог незаметно, потихоньку,
Дать свой отеческий совет.

Дочь поддержать, не дав споткнуться.
Помочь, избавив от беды,
Когда старались повернуться,
На Русь враждебные следы.

Спасая все во время смуты,
Гася лихих пожаров вал,
Ты сам, раздетый и разутый,
Все для победы отдавал.

И вновь стоял, потупясь скромно,
За годом год, за веком век.
А над страной твоей огромной
Вершило время быстрый бег.

Шли годы чинной чередою.
И сколько славных сыновей
Сверкало яркою звездою
В седой истории твоей.
Известные то были люди,
Но, чтобы их не обижать,
Коль, вдруг, кого-то позабуду,

Не буду всех перечислять.

Восходит солнце из-за леса
Над древнерусской стороной.
А ты становишься прелестней
И краше – город мой родной.

Сегодня, возродившись снова,
Но не утративши лица,
Ты стал алмазом Золотого
Неповторимого кольца.

По-прежнему любим и дорог
Для всех, кого не опроси,
Живи и славься русский город!
Цвети, жемчужина Руси!

Сказание о святом князе Александре Невском

Воздух хрипло вдыхая грудью,
Умирал монах в Городце.
И молились русские люди
О монахе, как об отце.
«Боже, дай ему дней поболее.
Дай здоровья на много лет».
Слезы горя и слезы боли
За молитвой катились вслед.
«Покидаешь зачем нас, отче?
Кто ж сумеет Русь защитить?
Неужели Господь не хочет
За грехи русский люд простить?!
Что с тобой князь-надежа случилось?
Чем тебе белый свет стал плох?»
А монах, слегка улыбаясь,
Испускает последний вздох.
И закрылись навеки очи.
Вот он жил – как будто не жил...
С вестью страшной, чернее ночи,
Вышел митрополит Кирилл:
«Горе, горе! Поплачем дети.
Что же делать? Кого просить?
Александра уж нет на свете.
Закатилось солнце Руси».
И поник седою главою,
Опустивши крест от лица.
Огласились стоном и воем
Все окрестности Городца.
Был исполнен обряд по чину.
Шел осенний месяц ноябрь.
Так, принявший от Бога схиму,
Умер Невский – князь Александр.

Ходят тучи по небу низко.
Непогода. Морозит чуть.
До Владимира путь неблизкий.
Дольше, всемеро, скорбный путь.
Шли бояре, толпой, у гроба,
Разбивая на лужах лед.
Шли дружинники, хлеборобы.
Шел за гробом русский народ.
Люди шли и слез не скрывали,
Размесив осеннюю грязь.
И, в душе своей, вспоминали
Все, что сделал великий князь.

И о чем еще думать думу,
Если горе на всех одно.
Благородство не любит шума,
Не приемлет его оно.
Сколько есть людей – столько мыслей.
Вспоминает каждый свое.
Вспоминает о светлом, чистом.
Так рождается Житие.

«Много воев храбрых со мною.
Пусть богатством делится Русь.
Я пришел. А захочешь боя,
Выходи, если ты не трус».
Вот с такою речью спесивой
Грозный Биргер гонца прислал,
Похваляясь великой силой...
Александр, улыбаясь, встал:
«Поговорка у нас такая:
не хвались, идучи на рать.
Ни к чему похвальба пустая,
Но урок мы сумеем дать»...
Ночь. Нева корабли качает.
Видит князь – шведы крепко спят.
Вдруг, плывет ладья небольшая,
В ней святые князья стоят —
Глеб с Борисом, в красной одежде,
И гребцов покрывает мрак:
«Мы поможем тебе. Как прежде,
Русью будет разгромлен враг»...
И была жестокая сеча.
И пошли корабли на дно.
И прозвание – Невский, навечно,
Александру было дано.

Ой, земля ты моя родная.
Снова слышишь ты горький стон.
И горит, от края до края,
Лихолетий былых огонь.
Нет в судьбе у тебя покоя.
Что же делаешь ты не так?
Вновь подходит, железным строем,
Беспощадный, надменный враг.
Подходили рыцари смело.
Шли вперед во имя Христа.
И безбожным, жестоким делом
Опозорили честь креста.
Но нашлась и на силу сила.
Покатились головы с плеч.
Об Вороний камень разбили

Меченосцы свой острый меч.
Лед окрасился кровью алой.
Алым стал и весенний снег.
Русь согнуть? Того не бывало!
И не будет, из века в век!

Чтоб своею когтистой лапой
Русь подмять под свой пьедестал,
Хитроумнейший Римский Папа
Двух епископов, вдруг, прислал.
Не смогли покорить Русь силой,
Может хитростью Русь возьмем.
«Ты послушай, князь, друг наш милый,
мы поможем тебе во всем.
Покорись, преклони колени.
Православие – тяжкий грех!
Защитишься папскою тенью,
Ты поверь, от врагов от всех».
«На восток, запад, юг и север
Расстилается край родной.
Русь жива православной верой,
И не надо веры иной.
Мы ученье Христово знаем, —
Князь, подумав слегка, сказал.-
Только тот лишь достоин рая,
Кто Иудой ни в чем не стал».

Нет беды ни хуже, ни лучше.
От любой надо Русь беречь.
Над Отчизной, черною тучей,
Нависает татарский меч.
Прокатился, совсем недавно,
Злых набегов смертельный вал.
И, за русских людей, пред ханом,
Александр заступником стал.
Надо ехать, забыв гордыню,
Спесь отбросив – что толку в ней.
И, покорно согнувши спину,
Князь проходит между огней.
В сердце – честь. На лице – улыбка.
Весь покорный. Главой поник.
Хан доволен. Вот что-то крикнул,
И несут золотой ярлык.
«Ничего, соберемся с силой
И за Русь мы сумеем встать.
И от Родины нашей милой
Повернет хан тумены вспять»...
Как душа у хана коварна.
Где опасность, он чует сам...

И готовят уж яд отвара
Мудрецы поднебесных стран...

Стольный город Владимир. Вечер.
Монастырь. Рождественский храм.
Князя в гроб, под мерцанье свечек,
Уложил преподобный сам.
Тихо, тихо плывет молитвы
Православной, прощальный слог.
И со смертью в последней битве
Князь-боец совладать не смог.
Вот Кирилл подходит ко гробу,
Рядом с ним Севастьян стоит.
И святую грамоту, оба,
Князю в руку хотят вложить.
Песнопений тихие звуки.
Князь лежит, будто он заснул.
Только, вдруг, за грамотой руку,
Как живой, подняв, протянул.
Взял он грамоту. Замер снова.
Не узнал Кирилл голос свой:
«Много знал чудес... Но такого...
Значит князь Александр – святой!
Благодарствуем, Боже правый,
Что у князя такой удел.
Тот святой, кто познавши славу,
Для других и жизнь не жалел.
Кто для Родины был защитник,
Сохранив и душу и честь.
Не сломался в смертельной битве.
Не поддался на грязь и лесть.
Тот, кто прожил всю жизнь достойно
Воспарит в небесную синь.
Спи наш князь Александр спокойно.
Будь же славен вовек. Аминь.

Сказ о Дмитрии Донском

Ехал, летней порой,
Князь Московский домой,
Соколиной охотой натешившись.
Под седлом резвый конь,
Перстни брызжут огонь,
И на шапке узоры нездешние.
Рядом едут друзья:
Воеводы, князья,
Едут воины, малой дружиною.
Развернулась душа —
До чего хороша
Та охота была соколиная.
Зеленеют леса.
Это наша краса,
Наша гордость и наше спасение.
Даст прохладу он в зной,
Обогреет зимой.
Русский лес – городов воскресение.
Путь к Москве недалек.
Весел мудрый Боброк,
На привале пригубивши чарочку.
Бесшабашно, легко
Скачет храбрый Бренко:
«Что кручинишься, Дмитрий Иванович?
Что, до самых удил,
Ты главу опустил?
Аль охота сегодня не видная?
Может ты услышал-
Кто-то, что-то сказал,
Или вспомнил чего-то обидное?»
В стремени князь привстал,
Лисью шапку сорвал,
И швырнул ее в пыль придорожную
«Что в обиде мне той?
Пред проклятой Ордой,
Унижаться доколе так можно нам?!
Сам я знаю, друзья,
Не сломаешь копы
Сердцем, даже горячим, отчаянным.
Чтоб свободу добыть,
Надо силу копить,
Пред врагом встать преградою каменной.
За себя не боюсь.
Православная Русь
Сбросит иго лихое, злосчастное.

Встанет новый рассвет,
И прольет добрый свет,
Сквозь завесу туч, солнышко красное.
Русь восстанет, дай срок!»
Тут вмешался Боброк,
Указав что-то, в небе, попутчикам:
«Что вы видите там?
Вот знамение нам!
И знамение самое лучшее.
Князь, скорей посмотри,
Кто там вьется вдали,
Отбиваясь от пташек рассерженных?»
«То ведет сокол бой».
«Он силен. Он герой.
Но падет он, скворцами поверженный.
Нам, с Батыевых лет,
Дан полезный совет-
Разбивает Орда одинокого.
Соберемся в кулак-
И любой лютый враг
Будет бит, наподобие сокола».
«Ваша правда, друзья.
Без единства нельзя
Сделать Русь и великой и сильною».
«Значит, войско готовь.
Жаль, костлявая, вновь,
Соберет себе жатву обильную».
«Хватит иго носить!»
«Мы напомним им Сить
И рязанские стены кровавые!»
«Времена уж не те!
Будет враг на щите!»
«Русь окрепнет единой державою!»...
...Будет Вожа-река.
И запомнят века
Куликово кровавое полюшко.
Годы мчатся, и пусть
Отхлебнет еще Русь
Много крови и пота и горюшка.
Станет Дмитрий донским.
Сгинет иго, как дым,
А Москве честь и слава достанутся...
...Едет, летней порой,
Князь великий домой...
Пусть знамение в сердце останется.

Сказание о ключнике Патрикее

Было в годы то стародавние.
Ободрила, Русь, поле ратное.
Поле ратное – Куликовое.
Поднимала Русь буйну голову.
По крупице малой, по зернышку,
Собирала Москва силу сильную.
Собирала бывшее величие,
Чтобы сбросит с плеч иго черное,
Иго страшное, иго рабское.
И уж было все получилось,
Как опять Русь враги неволили.
Налетела рать Тохтамышева.
Стала Русь, Орде, снова данником...
Годы шли, Москва укреплялася.
Но взошла опять червоточина,
Приползла беда стародавняя,
Разгораться стала усобица.
Снова ходит русский на русского,
И на брата меч поднимается.
Вновь покрыли Русь тучи черные,
Приходила рать Тамерланова.
Защитила Русь – Чудотворная,
Не дала врагу разнести пожар.
А потом пришла рать татарская,
Сила сильная – Едигеева.
Чтоб ослабить князя Московского.
Раздавить, наказать Василия.

Но разбилась сила татарская
О московские стены крепкие.
Отошли татары коварные:
«Коль не взяли столицу главную,
Разорим столицу духовную.
Мы пойдем ко граду Владимиру,
И спалим огнем землю древнюю.
Мы святыни разрушим русские.
Мы пленим преподобного Фотия.
Вот тогда Василий забегает.
Приползет на коленях, кланяться.
Принесет Русь, Орде, на блюдечке».

Даниил Борисович Суздальский,
Добиваясь удела прежнего,
Собирает орды булгарские,
Собирает мордву с черемисами

Под свои знамена неправые.
Он приветил царевича Талыча,
Вместе с ним, и войско татарское,
Чтобы взять ключи от Владимира,
Чтобы Русью править Залесскою.
Вот боярин – Семен Карамышев,
Воеводой большим назначенный,
Подошел, незаметно, к городу.
Окружил в час июльский, полуденный.
Нет защиты надежной в городе,
Ведь наместник – Юрий Васильевич,
Град покинул, совместно с Фотием,
Про набег татарский не ведая...
Как узнал про это Карамышев,
Порешил он, вместе с царевичем,
Разорить дотла гордость русскую.
Растащить богатства Владимира.
И пошли на приступ разбойники,
Убивая народ без милости,
Без пощады и всякой жалости,
Задыхаясь от злобной жадности.

Храм Успенский – Руси жемчужина,
Покорял красотой божественной
И лечил людей от неверия.
Был всегда ты добычей знатною,
Для врагов корыстных и алчущих.
Куполами златыми светлыми,
Привлекал ты татей бессовестных...
Вот прорвалась толпа ревущая
Разметав, порубив защитников,
К стенам храмовым, белокаменным:
«То-то будет здесь всем поживушка.
Злато-серебро, драгоценности.
Мы добра наберем. Натешимся
Получив богатства несметные».
Открывают врата соборные,
Входят в храм, толпою бесчинною.
Вот вошли и встали растерянно.
Не сверкают иконы золотом.
Нет камней нигде сверкающих.
Нет крестов и кадил серебряных.
Лишь стоит священник и молится
На коленях перед иконами,
В рясе черной, скуфейке простенькой,
Низко кланяясь Богородице.

Подошли Карамышев с Талычем
И священника стали спрашивать:

«Кто такой? Почему не спрятался?
И какого ты роду – племени?»
«Я – гречин, по роду, по племени,
Патрикей. Я ключарь по должности.
Здесь молюсь о защите города,
Пред иконой святой заступницы».
«Отвечай, Патрикей, по совести.
Здесь богатства были несметные.
Где они? Говори немешкотно!»
«Знаю я, богатства церковные
Схоронила святыня божия.
Богоматерь – Руси заступница,
Все укрыла от взора жадного».
«Не шути старик так с царевичем!
Ты укрыл богатство безмерное?
Где!? Скажи! Мы с тобой поделимся.
Ну зачем тебе столько золота?»
«Это золото мне не надобно.
Все я спрятал в место надежное.
И затем оно предназначено,
Чтобы встала Русь, краше прежнего.
Силой сильною, да единою
Против всех своих лютых врагов.
Растопила их, как весенний снег
И, очистившись, возвеличилась.
Только вам, душой лютой-черною,
Не понять всего, не додуматься».

«Ничего, язык твой развяжется.
Не хотел добром, так не жалуйся».
И, схватив, Патрикею враги
Приготовили муки страшные.
Стали бить его, больно, плетками.
И клещами ногти выдергивать.
На огне стали жарить медленно.
И колоть, и резать кусочками.
Ничего Патрикей не сказывал,
Лишь молился, от боли мучаясь:
«Дай же силы мне, Боже праведный.
Укрепи мой дух пред нечистыми».
«Говори старик, где же золото!?
Отвечай, и тебя помилуют».
«Отпустите меня, мучители!
Я скажу, где богатства спрятаны».
Ухмыльнулись враги, презрительно.
Развязали они священника:
«Вот давно бы так ты одумался.
Жизнь – она милей, чем сокровища».
Подошел Патрикей к царевичу:

«Ум, царевич, твой, как младенческий.
Не заметил богатства главного.
А оно надежно запрятано.
В сердце спрятано люда русского.
Люда русского – православного.
А тебе – предатель Карамышев,
Никогда не будет прощения.
Будь ты проклят, Иуда пакостный».

Патрикея схватили вороги
И казнили смертью жестокою,
Привязав к хвосту лошадиному...
А затем, Владимир разграбивши,
Удалились в степи Ордынские,
Сохранив славный подвиг в памяти,
Вспоминая мужество русское,
Воздавая хвалу священнику
Не продавшему честь за золото.

Легенда об Унженском кресте

Жил боярин в святой земле Муромской.
И всего было всласть у боярина.
Жил он счастливо, вместе с боярыней.
И росли в их семье две дочери.
Две красавицы, две разумницы.
Звали старшую дочку Марьею.
Звали Марфою дочку младшую.
Подрастали они со временем,
Расцветали, как маков цвет.
Вот пора подошла к замужеству.
Говорят они батюшке с матушкой:
«Вашей воле перечить не будем мы.
Только хочется выйти за милого,
Всколыхнувшего сердце девичье.»
«Если будет незнатным суженый, —
Им отец отвечает ласково.-
Не беда. Были б дочери счастливы.
На двоих хватит нашей вольности.
Да и бедность не станет преградой.
Лишь бы Бог наградил согласиём.»

Вот к Марии жених посватался.
Не богатый, но рода знатного.
Иоанн, из окрестностей Муром.
Полюбился он сильно Марьюшке.
И у Марфы сердечко девичье
Растопилось от взгляда влюбленного.
А жених богат, звался Логином.
Хоть не знатного рода-племени.
Из земли Рязанской, зажиточной.
Вот пришли, как-то дочери замужние
Со своими мужьями любимыми
В дом родной, в гости к батюшке с матушкой.
Всех приветил боярин заботливый.
Стал сажать за столы, за дубовые,
Чтобы дочек с зятями попотчевать.
Тут зятя меж собою заспорили.
Разошлись, разругались нешуточно.
Из-за места сцепились почетного.
«Я – зять старший и выше по знатности.-
Иоанн расшумелся, расхвастался.-
Место первое мне полагается.
Предки наши, с князьями великими
О Руси, беспрестанно, заботились.
Были князю советчики мудрые.

И богатством владели немеряным.
А твои предки, Логин, незнатные.
За гусями ходили, за свиньями.
Были вечно они в услужении.
Значит я за столом первый гость.»
Подскочил Логин, словно ужаленный.
И глаза засверкали от бешенства.
«Это что ты речешь, нищebroдина!?
Чем меня укорить ты стараешься?
Пусть потомок я рода незнатного,
Только если тряхну златом-серебром,
Весь твой род я куплю, вместе с вотчиной.
А тебя, господина, с холопами
Я в подпаски отправлю свинарные.
Быть тебе пастухом не доверил бы.
И умом и карманом ты худ.»
Стали жены мужей успокаивать.
«Стыдно лаяться в доме родительском.»
Но зятя все сильнее расходятся.
За ножи ухватились булатные.
Тут хозяин лицом затуманился.
Кулаком, в гневе, вдаривши по столу
Им сказал: «Что же вы, неразумные,
Расходились от спеси безудержной!
Не себя оскорбили вы руганью.
Оскорбили хозяйку с хозяином,
Погнушавшись столом с угощением.
Погнушавшись хозяйским радушием.
И за это для вас места нет»

Словом, что там вдаваться в подробности,
Но зятя, поскандалив, разъехались.
Год за годом проходит, торопится.
Затаил Иоанн зло на Логина.
И Марии он строго наказывал,
Чтоб не смела та с Марфою видеться.
Но и Логин жил злом околдованный,
Запретил Марфе видеться с Марьею.
Ни письма чтоб не слала, ни весточки.
Так и жили зятя неразумные,
Не желая и слышать про родичей.
Подточила здоровье их ненависть.
Иссушила сердца злоба лютая.
И, спустя много лет, преставились
В час один Иоанн вместе с Логином.
Тут подумала Марьюшка вдовая:
«А поеду я к Марфе да Логину.
Зла я им никогда не делала.
Может примут вдову убогую.

Много места я чай не займу.
А не примут, так что поделаешь.
Попрошу я у них прощения
За покойного мужа спесивого.
И поеду домой, немешкотно.
Доживать век сироткой вдовою.»
Но и Марфа тоже помыслила:
«Я уеду к сестре и зятюшке.
Привезу им богатство мужнино.
Буду жить с ними, жизнью тихою.
Что вдове в этой жизни надобно?»
Так собрались Мария с Марфою,
Да навстречу друг другу поехали.
По дороге лесной наезженной.
По дороге, навстречу судьбе.

Вот уж клонится солнышко к западу.
Удлинняются тени вечерние.
Притомились в пути кони резвые.
Повелела им Марья дать роздыха
На ближайшей зеленой поляночке.
Подъезжает возок к месту дивному.
Только кто-то уже там на отдыхе.
По траве ходят кони стреножены
И шатер на поляне раскинулся.
Шлет Мария слугу расторопного:
«Ты узнай-ка, мужчина иль женщина
здесь решил отдохнуть, поночлежничать.
Коль мужчина, мы дальше последуем
И поищем другую поляночку.
Если женщина, то остановимся,
Заночуем, зарю дожидаячи.»
Воротился слуга в скором времени:
«Это едет вдова богатейшая
из Рязанской земли к граду Мурому.
Мне сказали – зовут ее Марфою.
И без мужа покойного – Логина,
Опостылила Марфе Рязань.»
Так вот сестры в лесу том и встретились.
Рассказали про жизнь, про замужнюю.
О мужьях о покойных поплакали.
И решили, что утром, не мешкая,
Обе в Муром родимый отправятся,
Коли так уж судьбой намечено,
Коли так им Господь повелел.

Ночью Марье приснилось чудесное.
Будто сходит к ней Ангел божественный.
И, насыпав пред ней гору золота,

Он сказал Марье тихо и ласково:
«Это золото Господом послано.
Ты отдай его первому встречному,
Чтобы сделал тот встречный из золота
Крест Господний для дела для доброго.
Пусть красуется Крест златокованный,
Исцеляя больных и страждущих,
В храме том Михаила Архангела,
Что на Унже-реке находится.»
И, проснувшись наутро, Марьюшка
Сон чудесный и Ангела вспомнила.
Разбудила сестру свою младшую.
Рассказала ей все об увиденном.
Марфа, сон услышав, закрестилася:
«И ко мне приходил Ангел божеский.
Он принес серебра немеряно,
Наказав, чтоб Ковчег серебряный
Для Креста золотого я сделала.»
Закрестились тут сестры испугано:
«Может все нам приснилось-привиделось?
Если Бог присылал ночью Ангела,
Значит Ангел святой, побеседовав,
Серебро здесь сложил вместе с золотом»
Поискали они злато-серебро
И нашли его под одеждами.
А затем стали в путь-дороженьку
Собираться, чтоб ехать до Мурома.
Чтобы выполнить волю Господнюю.

Только лишь, помолившись, тронулись,
Им навстречу монахи старые
По дороге идут, приветствуют.
Говорят: «К вам мы, сестры, посланы.
Взять у вас божье злато-серебро —
Крест с Ковчегом отлить для Господа.»
Удивились Мария с Марфою,
Но монахам сокровище отдали,
Наказав сделать Крест из золота
И Ковчег, для Креста, серебряный.
Поклонились монахи низехонько
И пошли своею дорогою.
Ну а сестры, доехав до Мурома,
Рассказали соседям и родичам
Что в дороге у них приключилось.
Только родичи разругались вдруг.
Забранили сестер за доверчивость.
«Вы зачем неведомым странникам
Благодать отдали небесную.
Нечто нет у нас рукодельников,

Чтобы сделать тот Крест из золота
И Ковчег для него серебряный?
Вы монахов зачем послушались?
Ведь они, посмеявшись, сгинули.
Унесли богатство бесценное.
И считают казну обманщики,
Насмехаясь над вдовами глупыми.
Не догнать тех монахов теперь.»
Только родичи это молвили,
Три монаха идут по улице.
Вот подходят к Марии с Марфою
Сквозь толпу людей удивленную.
«То, что мы обещали – сделали.
Вот он Крест из золота вылитый.
Вот Ковчег для него серебряный»
Все отдали и, тут же, сгинули
К удивлению всех собравшихся.

И, с тех пор, этот Крест чудодейственный
В храме был Михаила Архангела,
Что на Унже-реке красуется.
Он заступник для всех молящихся.
Исцелитель от хвори страждущим.
Ему слава во век. Аминь.

Легенда о селе Оцеп и церкви «Спас железный посох»

Это все случилось встарь...
Ехал лесом грозный царь.
На Казань – столицу ханства
Ополчился государь.
Войско медленно идет.
Вряд ли кто его сочтет.
Ехал царь и думу думал —
Что его в походе ждет?
Честь, почет или хула
За подобные дела.
Или, коль судьбе угодно,
Ждет татарская стрела.

Будь что будет, плачь, не плачь...
Вот проехали Киржач.
Возле Марково, деревни,
Грозный царь пустился вскачь.
Вот поляна хороша.
Царь поехал не спеша.
Если здесь поспать немного,
Успокоится душа.
Прочь сомнений мутный сор.
У судьбы свой приговор...
Так подумал царь, а слуги
Быстро справили шатер.
Отдыхай честной народ.
Набивай едою рот.
Спи всю ночь. Настанет утро,
Войско двинется вперед.

Царь решил пройтись чуть-чуть.
Темнотища – просто жуть.
Хорошо, что факелами
Освещают слуги путь.
Там и тут костры горят.
Люди что-то говорят.
Ну, а многие поели,
И теперь спокойно спят.
Где-то песни, где-то смех.
Малость выпить – не во грех.
Значит верят, что в походе,
Государя ждет успех.
«Средь народов разных стран,
Славен будь, наш царь Иван!»
Как приятно это слышать,

Обходя военный стан.
Что ж, таков царей удел...
Соловей в лесу запел.
И Иван, его послушать,
На дубовый пенек присел.
Посидел, совсем чуть-чуть.
Завтра утром снова в путь.
Царь пошел, сжимая посох,
Чтоб немного отдохнуть.

Подошел, открыл шатер...
Запылал от гнева взор —
Там, в шатре, сидел татарин,
Притаившись, словно вор.
Видно он Ивана ждал.
Быстро выхватил кинжал.
И к царю, грозя кинжалом,
Тот татарин подбежал.
Видит царь — пришел конец:
«Помоги мне Бог-отец!
Чтоб Казань, Москву сгубила?
Не получится, подлец!»
Грудью воздуха вдохнул.
Быстро посохом взмахнул.
И татарину по шее
Царь, с размаху, саданул.
Посох острый, словно меч.
Можно им врага посечь.
У казанца, вместе с шапкой,
Голова слетела с плеч.

Царь себя перекрестил.
Бога возблагодарил.
Голову толкнул ногою,
Плюнул и шатер открыл.
Вышел. Крикнул:» Стража! Эй!
Как сюда попал злодей?!
Если на кол не хотите,
Отвечайте поскорей!»
Лишь раздался царский крик,
Подбежала стража вмиг.
И начальник царской стражи
Как из-под земли возник.
«Не вели меня казнить!
Дай проступок искупить!
Я уже велел охране
Всю поляну оцепить.
Славен будь на много лет!
Бог тебя храни от бед!

Если спрятались татары,
Мы отыщем их, чуть свет».
«Ну, смотри же, если так.
За любой неверный шаг,
Я казню тебя нещадно,
Коль уйдет коварный враг».

Рано утром – сабель звон,
Ругань, крики, чей-то стон.
И лазутчиков схватили,
Окружив со всех стон.
Войско русское шумит.
У шатра Иван сидит
И лазутчиков татарских
Подвести к себе велит.
«Ну, скажите, как мне быть?
Должен я, вас всех, казнить.
Как же все-таки решились
Вы, меня – царя убить?!
Раз, с Казанью, я дерусь,
Значит смерти не боюсь.
Даже если я погибну,
Победить сумеет Русь».
«Русский царь, помилуй нас.-
На колени пали враз
Все лазутчики и старший
Начал сбивчивый рассказ.
«Повелел казанский хан
Нам пробраться в царский стан.
И назад не возвращаться,
Жив покуда царь Иван.
За тебя на нас ответ.
И назад дороги нет.
А вернемся, будут муки,
Да каких не видел свет.
Так угодно злой судьбе,
Привела она к беде.
Государь, прости, помилуй!
И послужим мы тебе!»

Улыбнулся царь: « Ну, что ж.
Всякий подданный мне гожд.
От любой овцы паршивой
Шерсти будет хоть на грош.
Не на пир идем – на брань.
Все расскажешь про Казань.
А потом, под караулом,
Поезжай... Хоть под Рязань».
Шепот из конца в конец:

«Государь-то, молодец.
Не сечет главы повинной.
Вот уж истинный отец...»

Был Иван умен и смел.
Пред началом ратных дел
Церковь, «Спас железный посох»,
Он воздвигнуть повелел.
Как от предков повелось,
Встало, вокруг, Оцеп-село
Там, где войско оцепило
Стан, пока не рассвело.
И предание гласит —
Может посох жизнь спасти.
Так рождаются былины
И легенды на Руси.

Сказание о Марии Долгорукой

Ехал грозный царь Иван Васильевич
Слободою стольной, Александровской.
Ехал русский царь, думушку думая.
Думу грустную, невеселую.
Не о том, что враги всюду лютые,
И границы огнем разгораются.
Не о том, что бояре крамольные
Снова прячут камень за пазухой.
Думал грозный владыка о девицах.
Жил развратным грехом он обуянный.
И без нежности ласок девических
Стосковалось сердце блудливое.
Ехал царь, на людишек поглядывал.
А народ, перед ним, раскланивался
И крестился испуганно, радуясь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.